

[Л.1]

Стенограмма беседы с гр-кой Кузенко С.И.

Беседу проводил научный сотрудник комиссии по истории Отечественной войны в Украине т. Воробьев Л.И.

Стенографировала Спектор Э.Д.

Киев, 29.X-1946 года.

Родилась в 1916 году в Харьковской области. В 20-х годах переехала в Винницкую область. Отец погиб в 1919 году от руки контрреволюции. Воспитывала мать-работница.

В 1931 году окончила 7-летку в Винницкой области и начала учительствовать в Тульчинском районе. Одновременно продолжала получать среднее образование. В 1933 году поступила в Винницкий пединститут. В 1937 году окончила педагогический институт – химико-биологический факультет.

В г. Нежин 4 года до войны работала преподавателем средней школы химии и биологии.

Муж был инженером связи.

За время войны потеряла всю семью – мужа, сестру, мать. Осталась одна.

7-го августа 1941 я оказалась в окружении в районе Днепра по дороге к хутору Успенский, Онуфриевского района Кировоградской области.

Это утро забыть нельзя. Когда я впервые увидела фашистских людоедов, мне показалось, что это сон, но это была истинная правда.

Мимо меня прошла танкетка, покрашенная в белый цвет с черной свастикой, дальше ехали мотоциклисты, и я не успела опомниться, как над моей головой уже стоял рыжий немецкий офицер и что-то бормотал. Меня начало лихорадить от его ужасной морды, серого мундира с фашистскими знаками, прекратилось дыхание.

Читать про фашистов было тяжело, и внезапно оказаться в их руках.

[Л.2] Внезапно начался воздушный бой, и я не помню, как я сбежала от рыжего офицера, как оказалась в кукурузе, подсолнечнике, конопле, вишне одной колхозницы хутора Успенского.

Смерть не страшна была. Страшно было издевательство, о котором в свое время я много читала.

Колхозница была смертельно испугана, она подошла ко мне и сказала, чтобы я ушла с вишняка во двор, потому что немцы как увидят, что я прячусь, сразу же убьют меня. Я послушала ее и механически ушла из сада и села около дома.

В то время по дороге проезжали мото-мехчасти, но я в то время ничего не видела, у меня образовалась галлюцинация, и мне казалось, что идут все рыжие офицеры, как тот, от которого я сбежала, когда начался воздушный бой.

На дворе стояла жара, а меня знобило будто в зимнее время. Я увидела, как немцы срубывали молодые фруктовые деревья и мне казалось, что они уничтожают жизни молодежи, каждое срубленное дерево казалось мне трупом юноши или девушки.

Наши советские самолеты с первых минут вступления немцев на хутор, все время налетали, бомбили места, где были сосредоточены вражеские машины и войска, вступали в воздушный бой.

Немцы, увидев советский самолет, очень пугались и начинали кричать: «рус летит». А мне в то время было на душе очень радостно.

На этом хуторе я пробыла два дня. Меня пригласила к себе жить жена фронтовика, бывшего бригадира колхоза. Фамилии ее я не помню, кажется ее звали Марией.

[Л.3] Память во время войны у меня отупела, а эти записки я пишу через пять лет.

Далее немцы выгнали всех окруженцев, живших на хуторе, в лагерь в Онуфриевку. Больно было слушать, что меня на моей родной земле называют пленной.

Рассказывали мне тогда на хуторе очевидцы, что по берегу ходил наш генерал в мундире полупомешанный.

Как я тогда страдала, страданиям моим не было предела.

Немцы не успели вступить на хутор, как уже начали ходить по домам, требуя различные продукты, забивали птиц.

По соседству с домом этой женщины, у которой я жила, во дворе стояла замаскированная штабная немецкая машина. Водитель этой машины пришел в дом и показал нам карту-маршрут этой машины, как она прошла молниеносно, как и вся немецкая армия, через Францию, Голландию, Бельгию, Данию, вот она оказалась в Советском Союзе и быстро подойдет к Москве. Я едва удержалась, хотела сказать ему, что по дороге в Москву они могут быть похоронены в нашей земле, хотела показать на карте Москву, чтобы они на этом месте поставили крест. Но я удержалась. Выдержка и сила воли в тех жестоких условиях временной оккупации спасали не только одного человека, но и товарищей и местное население.

Никогда не забуду, как немцы привели какого-то бывшего российского белогвардейца или его сына, в то время мне было трудно определить, потому что он был в мундире немецкого офицера. Натура у меня смелая, несмотря на то ужасное состояние, в котором я находилась, я спросила его, [Л.4] каким образом он оказался в немецкой армии, он ответил мне, что в Германии существует русская школа офицеров, я удержалась, чтобы не сказать «предателей родины», за что он бы меня застрелил. Я спросила его, далеко ли от хутора его бывшее владение, он побледнел и выбежал из дома. Этот негодяй владел чистым русским языком. Очевидно, этим немцы хотели показать, что в их армии находятся русские, потому что они видели, с каким презрением к ним относится много

людей, особенно окруженцы, которые оказались на хуторе и которых они окрестили военнопленными.

Боясь серьезных последствий, немцы всех *пленных* собрали в лагерь в Онуфриевке.

Страданий в лагере никогда не забыть. В день умирало от голода много молодых, красивых, цветущих людей. Но среди пленных была большая дружба. Умирал подполковник, участник гражданской войны. Умирая, он жалел о том, что это не случилось на поле боя, что он умирает в таких условиях. У него было ранение в коленную чашечку, в ране появились черви, помочь было нечем.

Нас очень морили голодом, в день давали немного вареного проса и все. Но местное население окружающих сел прятало много продуктов, которые приносили нам, но их редко допускали. В день смерти подполковника никто не притронулся к тому вареному просу. Фамилии его я не помню, так как время и горе неизгладимое свое берут, притупилась память.

Наконец, я оказалась «на воле». Какая свобода, когда я убежала при помощи местных женщин, которые подпоили охрану. Но сама я тогда не поверила, что это так, что я уже не в стенах лагеря.

Я не суеверна, но в то время, когда я оказалась вне лагеря, мной руководила какая-то сверхъестественная сила.

[Л.5] Какая «свобода», когда идешь по развалинам замечательного прошлого, идешь глухими селами, чтобы поменьше встречать немцев и полицаев – изменников родины. А была я без документов. Когда немцы сами выпускали из лагеря, они давали документы в виде длинной заполненной анкеты на украинском и немецком языках. Но это было только для проформы и с этими документами стреляли в людей. В лагере немцы проводили такую политику: в первую очередь они отпускали всех украинцев «освобожденных» ими областей домой, потому что тогда была оккупирована только часть Украины. Но это была политика. Люди тем временем умирали от голода, и кроме того, заедали вши.

По дороге я все время встречала окруженцев, которые рассказывали об ужасах «освободителей», которые я уже тогда сама видела, на себе вынесла.

~~Больно было смотреть на тех людей, на их сознание. Это были так называемые военнопленные, которых отпустили домой, потому что немцы дали им «свободу».~~

Немцы с первых дней прихода объявили украинский язык священным, а русский язык запретили. На извращенном украинском языке они развешивали на каждом углу объявления, в которых призывали местное население вернуться на свои рабочие места, колхозникам обещали землю и ликвидацию колхозов. ~~Часть людей этому поверила, но потом убедилась в правдивости этого.~~

По дороге из Онуфриевки Кировоградской области в Ладыженку Киевской области я встретила несколько карательных отрядов, причем первый отряд я встретила на станции Павлыш Кировоградской области. Это были молодые

фашисты – украинские националисты из западных областей Украины, которые хорошо владели украинским и польским языками.

[Л.6] Внешний вид у меня был ужасный: босая, ноги в нарывах, низ рубашки весь оборванный (на перевязки). Ходить я уже совсем не могла, потому что в то время я уже довольно находилась. Шоссейные дороги я обходила, леса немцы все время прочесывали, их также обходила (боясь, когда начнут действовать в их тылах части окруженцев при помощи местного населения, что позднее и случилось).

На станции Павлыш я осталась ночевать. На вопрос карателей кто я такая, откуда и куда я иду, я отвечала, что гнала скот за Днепр и иду в Винницкую область. Среди карателей нашелся «герой», который мне сказал, что я никак не похожа на ту, что гнала скот, потому что у меня интеллигентное лицо. Выручил меня поляк. (Польским языком я к войне немного владела, теперь я его почти забыла, потому что горе и время свое берут). Я не знаю, заговорила ли в нем человеческая совесть в ту минуту, потому что он сказал так «герою»: «Чего ты пристал к женщине, она и так несчастна, пусть идет себе искать ночлег».

Следующий карательный отряд я встретила в селе Марьяновка Велико-Вищанского района, Кировоградской области. Отряд карателей состоял из молодежи – юношей и девушек, которые называли себя немецкими фамилиями, но одновременно прекрасно владели чистым украинским языком. Девушки были в платьях, носили кресты, некоторые носили соломенные шляпы, они были слишком веселые, юноши носили лыжные штаны, без рубашек, на шее носили кресты, часть из них носила соломенные шляпы, часть – черные береты. Все они были вооружены пистолетами.

Когда я пришла в деревню, то увидела обоз подвод (20 или 30), которые были нагружены награбленными вещами. Во дворе [Л.7] совхоза находились задержанные мирные граждане с подводами. Среди них были дети, женщины, старики. Они были эвакуированы из Бессарабии в начале войны и в районе Днепра оказались в окружении. В то время они снова возвращались в Бессарабию. Вещи у них отобрали, их вывели за село и расстреляли.

Меня задержали, но видя, что у меня ничего нет, спросили какой я национальности и отпустили. Особенно запомнился мне один негодяй, который был среди них: белокурый, среднего роста с ехидными чертами лица. Он отозвал меня в сторону и спросил: «Какое у вас образование?». Я ответила ему, что закончила семилетку и один курс техникума. Тогда он говорит мне: «А вы случайно не учительница литературы или истории?». Я ответила, что ничего общего не имею с педагогической деятельностью. (А сама-то я по специальности преподаватель химии и биологии и имею высшее образование). Далее он мне говорит, что если бы он знал, что я преподаватель истории, потому что преподавателями истории были только коммунисты, читали о Москве и о Сталине, то застрелил бы меня на месте. Я ответила ему твердо, что я не педагог и ничего общего с педагогической деятельностью не имею. А между тем по телу

мурашки бежали. А дальше я ему сказала, что если он хочет стрелять, то пусть стреляет, мне в таких условиях жизни не жалко. Тогда он меня отпустил и сказал, чтобы я зашла в ближайшую управу и взяла у старосты документ, чтобы пойти в Винницкую область. Он, негодяй, по моему мнению сам был преподавателем и не западных областей, а наших. Мне кажется, что в любых условиях (несмотря на то, что память у меня очень отупела) я его, подлеца, узнаю.

Первый раз из этих карателей меня допрашивал какой-то сопляк в очках, который кричал: «Я сам еврей и помогаю очищать Украину от жидов», а вы украинка, то идите.

Особенно меня возмущало поведение девушек. В то время, когда [Л.8] меня допрашивал этот сопляк, две девушки подошли ко мне и с такой презрительностью на меня посмотрели, так как внешний вид у меня был действительно ужасный, но я ответила им таким же взглядом. Далее они заговорили, рассказали, что они студенты какого-то учительского института, теперь расцвели их жизни, а когда я спросила из какого города, они замолчали. Они, эти негодяйки, были постельными принадлежностями, продались за вещи, облитые человеческой кровью и слезами, они Родину продали, своих братьев, сестер, которые в то время проливали кровь на фронте, защищая свою священную Родину.

Несколько детей стояло около бывшего совхозного двора и кричали: «Беглецы, вам вырежут языки». И действительно, местные люди рассказывали мне, что этот карательный отряд в этом селе действовал уже несколько дней, что они вырезали языки у задержанных мирных граждан, которые эвакуировались из своих местностей и попали в окружение, после этого они их расстреливали.

Когда меня отпустил второй каратель, который пристал ко мне, что я педагог, уже был вечер, и я пошла в Великую Виску, которая была в 6-ти километрах от Марьяновки. Хотя в Марьяновке люди меня приглашали ночевать, я не хотела, потому что была очень испугана, мне все казалось, что меня преследует каратель. По дороге из Марьяновки я проходила через село Тодерово. Я села отдохнуть возле другого дома. Ко мне подошла колхозница и горько-горько заплакала. Она рассказала мне, что через село проходила немецкая часть, один немец забежал в ее дом, увидев ее дочь – молодую, цветущую, пятнадцатилетнюю девочку, он захотел ее изнасиловать. Девушка успела убежать и спрятаться в сене, а он хотел застрелить [Л.9] мать, помешали соседи и немцы. Девочка так была испугана, что лежала без сознания.

Далее я заночевала на станции Знаменка у людей, если я не ошибаюсь, по фамилии Губа, у которых вся семья была на фронте. Дома осталась дочь Валя, кажется, выпускница средней школы, родители и сын Владимир, который оказался в Кировограде в окружении, был в лагере, бежал и какими-то путями попал домой. Тяжело передать моральное страдание этих людей. С ними я поделилась своими мыслями, мечтами о счастливом будущем, потому что сама была заполнена горем – не знала где мать, муж, сестра. В то время часть

населения была очень враждебно настроена и надо было быть очень осторожным в разговоре, чтобы не попасть в гестапо. Поэтому я всегда молчала, а с этой семьей поделилась обо всем. О партизанском движении если в то время кто-то и говорил, то боялись друг другу верить.

На второй день, продолжая свое «прекрасное путешествие», я проходила через городок Знаменка. Я встретила полицейского – украинца, пузатого в белоснежной рубашке, сначала у них не было формы, впоследствии они снимали одежду с убитых немцев, военнопленных. Он задержал меня и направил к коменданту, мотивируя тем, что у меня подозрительный вид – вид советской шпионки. Когда я пришла к коменданту, я твердо заявила, что гнала скот за Днепр и возвращаюсь домой, а сама подумала: «домой», кто остался у меня, война развеяла всех по миру.

Теперь, когда я пишу эти записки, кроме друзей и знакомых у меня никого нет, со всей семьи осталась я одна, и могила их мне неизвестна.

Комендант мне поверил и отпустил. В то время, когда [Л.10] меня допрашивал комендант, пришла бабушка лет шестидесяти и принесла список 14-ти комсомольцев, комендант сказал ей: ~~«Как вам не стыдно, бабушка, в такие годы заниматься доносом».~~

Продолжая свое «прекрасное путешествие» я была настолько физически и морально разбита, что думала – умру где-нибудь по дороге.

[Л.11] Стенограмма продолжения беседы с тов. Кузенко С.И.
Киев, 15/XI-1946 года.

[Л.12] Стенограмма продолжения беседы с тов. Кузенко С.И.
Киев, 15/XI-1946 года.

Стенограф. Спектор Э.Д.

Я все время встречала бойцов и командиров, которые шли в наши части с целью перехода линии фронта, шли на риск: на смерть или на жизнь. У меня тоже было желание перейти линию фронта, но, к сожалению, я настолько была физически и морально разбита, ноги в нарывах, организм истощен, я была раздетая и разутая, что не могла этого сделать.

Когда я попадала в советскую семью на ночлег, а это случалось очень часто, меня приглашали остаться у них, укрепить свое здоровье. Но меня тянуло в те края, где есть знакомые, во-вторых мне хотелось сделать вклад в дело защиты нашей Родины. А здесь везде были незнакомые люди и легко было попасть в гестапо.

Я никогда не забуду встречи в селе Гансино около Хмелевой Одесской области, встречи с бывшим начальником политотдела одной из наших дивизий. Этот человек был еще более морально разбит, чем я. Он шел в Николаев в наши части. Он рассказал мне, что в Тальном Киевской области немцы приготовили ему виселицу, а к тому же хорошо избили его. С помощью местного населения

ему удалось бежать. У него была галлюцинация, кого бы он ни встречал, ему все казалось, что это немцы. Он сказал мне: у меня одно только желание – попасть в наши части (партизанских соединений в то время в тех краях еще не было, были лишь отдельные террористические акты, которые, к сожалению, мало кто из населения одобрял), а там и погибнуть во имя защиты Родины.

[Л.13] Этого начальника политотдела я встретила в одном конце села, а в другом конце села Гансино у самой крайней избы с левой стороны стояла подвода с полицаями. Хозяйка этого дома стояла у ворот. Я попросила ее вынести мне воды напиться, а она мне ответила: «Сколько вы, рвань, будете по миру ходить и людей беспокоить», а я ей ответила, что она не может быть уверена в том, что через час или через день она также может оказаться в таком же положении, так как война. Она промолчала и полицейские молчали. Затем в ней заговорила гуманность, и она пригласила меня в дом, но я ее поблагодарила и пошла дальше.

Все время по ночам шли немецкие части к Днепру, их ~~все время наша~~ *авиация* очень бомбила. Из Онуфриевки Кировоградской области в Винницкую область на расстоянии 800 километров я видела только один разбитый наш самолет, зато много лежало на полях разбитых немецких ~~техники~~ *птиц*. Когда я увидела самолет, я заплакала и подумала: а какая же судьба людей этого самолета.

В направлении Долинской передо мной остановилась немецкая грузовая машина. Водитель обратился ко мне на ломаном польском языке и спросил куда и откуда я иду. Я ответила ему и увидела, что он как-то иначе, не как все немцы, относится ко мне, спросил, сильно ли у меня болят ноги, которые были связаны тряпками с моей рубашки. Далее он спросил меня какая у меня была специальность, какая у мужа. Я ответила ему, какая была специальность у мужа, но про себя ничего не сказала. Он как-то недоверчиво на меня посмотрел, потом посмотрел, что нигде никого не видно, и сел в машину. Сначала я испугалась, потому что нигде никого не было видно, но потом я взяла себя в руки. Водитель вынул из кармана членский билет коммунистической партии Германии, показал его мне и сказал, что он обижен на Коминтерн, который мало помогает в этой войне Советскому Союзу. Далее он вынул небольшую книжечку на немецком языке, в той книге были портреты Ленина и Сталина, дальше он [Л.14] достал красную звезду, приложил ее ко лбу и сказал, что он пройдет через Днепр и будет воевать за идеи Ленина-Сталина и Гитлеру будет конец. Я все время молчала, боясь, что это какой-то замаскированный эсэсовец или гестаповец. Он заметил это и сказал, что это хорошо, что я молчу, что его нечего бояться, потому что он идейный коммунист и его отец погиб в застенках гитлеровской тюрьмы. Далее он мне сказал, что видно, что я интеллигентный человек, что у меня есть образование, потому что я молодая, а в СССР женщины и мужчины на равных правах и есть все условия для получения образования. На прощание он сказал, что СССР будет жить, что ему помогут Англия и Америка, коммунистические партии мира, и в самой немецкой армии идет большое разложение. (Это было в

конце сентября 1941 года.) Он очень сожалел, что у него мало бензина, а то он меня подвез бы. Я поблагодарила его за внимание, он пожелал мне всего наилучшего, и я пошла дальше. Этот разговор меня немного оживил, но я была очень довольна, что все время во время разговора молчала.

Во время своего «великолепного путешествия» я все время ходила пешком, потому что боялась встречи с немцами, но позднее я немцев не так боялась, как своих полицейских и казаков.

Все расстояние – 800 километров – я прошла пешком. До Долинской меня подвез на своей подводе бывший председатель колхоза, который не успел эвакуироваться, и немцы заставили его работать. Он ехал навестить свою семью, которая в последние дни перед приходом немцев успела уехать километров на 30. Он очень беспокоился за свой партбилет, который он закопал в землю. Он сказал, что ищет какую-то зацепку, чтобы попасть в действующий отряд. Он рассказал мне, что на его глазах немцы замучили нашего военного корреспондента, который оказался в окружении, что немцы устроили в Каменце Кировоградской области погром и расстреляли 400 человек мирного населения.

[Л.15] Далее я проходила через Е. Градковку или Михайловку Кировоградской области. В этом районе, как рассказала мне одна женщина, депутат Верховного Совета СССР убил двух немцев. Тогда немцы уничтожили в городском парке аллею старых кустов акации, устроили пышные похороны и похоронили их в том месте, могилу они разукрасили живыми цветами, у нее все время стояла охрана. Судьбу этого депутата я так и не узнала, некоторые говорили, что немцы его расстреляли, другие говорили, что это неправда.

~~Я всегда старалась обходить районные центры, но когда ночь меня заставала, я ночевала на окраине, а утром шла дальше.~~ С наболевшею душой идешь и все время видишь по дороге могилы неизвестных воинов и думаешь, что где-то мать, жена, сестра, дети ждут их, а может где-то под могильным холмом и мой муж похоронен. Страдания мои были большие, края им не было.

Когда я пришла в район реки Сенюхы, я увидела следы жестоких боев, особенно в селе Тишковцы. По дороге к Тишковцам я встретила местную учительницу, она нарядная шла к родственникам. Она рассказала мне, что муж ее офицер на фронте, только она надеется, что война скоро закончится, немцы завоюют весь Советский Союз и муж ее вернется домой. «Как играют, так и надо танцевать», – говорит она. Я спросила ее кто ее обучил, кто обучил ее мужа, она махнула рукой. Мне было очень больно, я остановилась, а она пошла дальше.

Далее я проходила через Тишковку, где был расположен лагерь военнопленных. Я разговаривала с местным населением, они готовы были пожертвовать всем, чтобы спасти этих людей.

Далее я проходила через село Россоховатку Подвысоцкого района, меня пригласила к себе одна женщина, я побывала у нее два дня и за это время много наслушалась и насмотрелась. В этом селе местный дедушка выдал немцам нашу кавалерийскую часть, когда его спросили нет ли немцев в деревне, он сказал, что

нет, кавалеристы [Л.16] попали в окружение и все погибли. В этом селе мне показали одного колхозника Андрея, который ходил по полю с косой, якобы косить хлеб, а в действительности он подбирал трупы погибших кавалеристов, хоронил их и прятал их документы. Я похвалила его за благородство, а он мне сказал, что у него много родственников на фронте. Среди погибших был инженер родом из Подвысокого, по его документам Андрей сообщил его матери, и она приехала на могилу сына. Она была счастлива хоть тем, что знает, где могила ее сына. Соседка хозяев, у которых я ночевала, рассуждала так, что для спокойствия села немцы должны уничтожить бойцов и офицеров, которые прятались в лесу после того, как попали в окружение.

Я проходила через село Федоровка, где встретила наших двух медсестер, которые тоже оказались в окружении, они вырвались из лагеря военнопленных в Умани, шли в Полтавскую область и все время мечтали о том, чтобы где-нибудь попасть в партизанский отряд.

Когда я проходила через Тренивку Джулинского района я видела вокруг церкви много березовых крестов. Не забыть мне разговора в этом селе с колхозницей, у которой я ночевала – мать пятерых детей, муж ее был на фронте. «Поверьте мне, – говорила она, – наступит осень, болота, немцы увязнут со своей техникой, и советская власть снова вернется». Она с презрением смотрела на немцев.

Около Терновского леса (в котором позднее зародилась вторая сталинская бригада, комбригом которой был Кондратюк, комиссаром Корнийчук) я увидела группу военнопленных, бежавших из лагеря, они были в безвыходном положении, не знали, что делать.

Проходя через деревню Клебань Винницкой области, я встретила местную учительницу Анну Летун, она меня ободрила своим разговором, сказала, что наступит глубокая осень, тогда немецкие мотоциклы и танкетки застрянут в наших болотах, и Красная армия быстро вернется. Почти вся семья ее была на фронте.

[Л.17] В селе Канаш Тульчинского района я встретила мать эвакуированной семьи председателя сельсовета. Не было предела издевательствам над ней. Софию Ефремову – жену руководителя партизанского отряда периода гражданской войны, кто-то из местного населения выдал, ее замучили, дочь осталась слепа. Сын местного кулака вернулся в село директором местной школы и вел антисоветскую пропаганду. В этом селе в октябре 1941 года мне дали листовку «Правда Украины» под редакцией Ванды Василевской, Корнейчука и Бажана. Мне было очень приятно видеть печатные слова с советской земли, но смысла я теперь не помню. *В селе Копиевке староста очень издевался над советской семьей Григория Григорьевича Вовка, чьи сыновья были на фронте. Его судили румыны, пытали.*

На станции Журавлевка я видела колонну пленных моряков, было уже холодно, а они были в одних трусах, босиком, руки закованы назад. Когда даже

немцы допускали к ним местное население, они не могли принять пищу, потому что руки их были закованы.

В г. Тульчине я видела желто-блакитников, которые разгуливали в черных костюмах, шапки их были переплетены желто-голубыми лентами, они с нагайками разгуливали по городу. Бывший преподаватель русской литературы педагогического института в Тульчине Елена Романенко в своей вступительной лекции *в педучилище* сказала юношам, что теперь они избавлены от советской власти, что это пора их расцвета, что прекратились их моральные страдания. Учительница Турик, которая во времена советской власти выдавала себя за активистку, чрезвычайно активно действовала во времена немцев, чем вызывала моральные страдания юношей. *Учительница Соломенная построила дом, учительница Франчук со своим сыном пытали советских людей.*

В первых числах декабря мирное население Теплицкого, Джуленского, Тульчинского и других районов угнали в концентрационный лагерь в Печеру (это территория бывшего туберкулезного санатория) Браславского района Винницкой области, стариков, женщин и детей, кто по дороге падал, того румыны убивали. *В г. Тульчине немцы запрягли человек 50 мирного населения в грузовую машину и били их палками как животных.*

Далее я оказалась в селе Россоси Липовецкого района Винницкой области в семье родителей моего мужа, по дороге я встречалась [Л.18] с молодежью и мне было очень приятно слышать разговоры о скором возвращении советской власти. Проходя через Немиров Винницкой области я видела оставшийся дворец княгини Щербатовой, там до войны было много скульптур старых известных скульпторов, все это немцы уже успели вывезти в Германию.

Родители мужа не могли меня материально удерживать и я, по совету людей, пошла на работу на Романов хутор Линецкого района Винницкой области в совхоз. Я попала на квартиру в советскую семью Марии Арендички, которая жила с дочерьми – женами фронтовиков. По соседству с этим домом был сожженный немцами дом. Подожгли этот дом потому, что в нем нашли какие-то немецкие носки, хозяйку этого дома расстреляли, а труп ее три недели лежал возле дома, ее запретили хоронить, потом каким-то образом ее удалось похоронить, дети ее остались без крова.

Когда я пришла в совхоз на работу, там был управляющим палач Пилипенко, он долго допытывался у меня откуда я пришла, я ответила ему, что была в армии, попала в плен, но скрыла от него, что я была эвакуирована и во время эвакуации пошла в воинскую часть. Он послал меня на работу в магазин везть зерно и каждый раз он приходил ко мне допытываться не из Галиции ли я. Я увидела в каком ужасном состоянии живут в этом совхозе наши военнопленные: в комнате без окон и дверей, шинели загрязнены, пропитаны гнилью, они вели полуголодный образ существования.

[Л.19] Стенограмма продолжения беседы с тов. Кузенко С.И.

Киев, 22.XI-1946 года.

Стенограф Спектор.

Я обратилась к Пилипенко с тем, чтобы он пошел навстречу военнопленным, что это живые люди, и им надо организовать какие-то условия для существования. После этого разговора я ему показалась подозрительной и 22 января 1942 я была арестована заместителем гебитскомисара Ильинецкого района – начальником гестапо Дрешер. Я проехала 20 километров, но их не заметила, несмотря на то, что была в тонком дырявом пальто. В гебитскомиссариате я села возле нашего русского инженера, военнопленного, и начала разговаривать с ним, а Пилипенко встал у дверей и мял шапку, ожидая гебитскомисара. В гебитскомиссариате меня допрашивали гебитскомиссар Шолдер, его заместители: Дрешер – начальник гестапо, переводчицы – местные жители Магда и Оля Гейне. Переводчицы все время на меня кричали, пытаясь меня заставить сказать, какой подпольной советской организацией я была подслана на Романов хутор, потому что меня они считают советской шпионкой. Я ответила им, что никакой подпольной организацией я не подсланная, никого не знаю, что просто пришла на Романов хутор на работу, потому что я оказалась одна, у меня нет средств к существованию, а о том, что в Россоши живут родители моего мужа, я промолчала. Гебитскомиссар вызвал начальника полиции, чтобы меня забрали на ночь в полицию, а перед этим меня раздели и всю одежду обследовали, нет ли в ней никаких документов. Далее гебитскомиссар передумал и меня повели в заводскую квартиру, где жили немецкие офицеры, на ночь. Вечером меня допрашивал гебитскомиссар в своей квартире через переводчицу Дробович. Он заставил меня сказать, что я действительно медсестра, чтобы я показала, как останавливают кровотечение. Я показала.

Ночь с 22 на 23 января я провела бессонную в квартире немецких [Л.19 оборот] официантов, которые пытались у меня что-то выпытать. Я молчала, но на второй день мне Магда Гейне сказала, что я выпрашивала у официантов сколько офицеров в этом доме. Я же ничего не спрашивала, потому что была очень морально подавлена. Насколько я смело держала себя на допросе, настолько я была морально подавлена в этой квартире. 23/1 меня снова привели в кабинет гебитскомисара, который требовал от меня ответа, какой организацией я направлена. Я ответила ему то же, что и вчера. Тогда переводчица Магда Гейне зачитала приказ, что 24 января в 4:00 дня меня расстреляют в Виннице. После этого я сказала, что родители моего мужа живут в Россоше. За ними послали. Вечером приехал свекор со старостой деревни. Свекру 66 лет. Он начал плакать перед гебитскомиссаром, упал на колени, когда услышал, что зачитали приказ, что меня должны расстрелять, и сказал, что материально он не мог меня содержать, и я пошла на заработки, что с ноября до 15 января я была в Россоше, а только 7 дней на Романовом хуторе, когда я могла успеть побывать где-то. Так как я была первая задержанная женщина в этом районе, то гебитскомиссар сжалился над стариком и выдал мне документ, что я имею право жить в селе

Россоши до окончания военных действий, но по понедельникам в 11 часов утра я должна была появляться на регистрацию в гестапо. Но свекор не хотел меня держать у себя, я жила у чужих людей, работала в колхозе в селе Россоша.

В то время часть населения очень морально переживало, уже пошли разговоры о том, что Красная армия освободила многие области. После этого были перерезаны провода в селе Россоши, полиция взяла 10 человек заложников и двое невинных юношей публично были расстреляны.

После этого началась мобилизация населения в Кировоградскую и Херсонскую области на работу. Были выпущены листовки следующего содержания: «Украинец, бери с собой серп и мотыгу и будешь обеспечен хлебом».

[Л.20] За каждым моим шагом *следили местные полицейские*, поэтому я вынуждена была тогда пойти на работу в ближайший совхоз Гелиодорово. В это время я познакомилась с советскими семьями Мельник, Лелюцкими и Меланьей Безнеосюк. Я работала в саду, садовником был советский человек – Бовзюк, у которого была конспиративная квартира, а позднее подпольная группа, несмотря на то, что семья у него была очень большая. В это время пришел на работу в мастерскую совхоза член межрайонного военного совета подпольного обкома партии Иван Данилович Гаврищук (Григорий Данилович Кондратюк). Его приняли за немецкого шпиона. У управляющего был советский взгляд и он поставил его на работу к машине на самую трудную отрасль. Позже *т. Гаврищук* был в соединении начальником особого отдела полка Кирова второй сталинской партизанской бригады. В прошлом он рабочий системы НКВД и тот край он прекрасно знал и с помощью местных знакомых ему удалось завоевать доверие советских людей.

Он мне дал первое боевое задание в совхозе, а именно: очень осторожно изучить состав военнопленных совхоза. Во-вторых он меня связал с колхозницами села Александровка или Владимировка Линецкого района Марией и Дуней. Мария была вдова – мать пятерых детей. Дуня – в прошлом активистка села, муж и дочь которой были угнаны на каторгу в Германию. С помощью Марии Григорий Данилович держал связь с подпольной организацией Тальное, а с помощью Дуни он держал связь со станцией Линовец. Григорий Данилович готовил оружие для регулярного соединения. Это оружие покупали у мадьяр за серебряные советские деньги. Дядя Марии в Тальном организовал раскоп небольшого количества оружия, которое было закопано офицерами Красной армии, оказавшихся в окружении. Дуня завербовала на станции Линовец [Л.20 оборот] в подпольную организацию рабочих и служащих станции Лановец. Я изучила состав военнопленных.

Наступила осень 1942 года. Военнопленные раздетые, разутые, встал вопрос, чтобы этих людей одеть. Этим вопросом занимается бригадир совхоза – советский человек, в будущем партизан полка имени Кирова Петрук Иван Николаевич. С помощью членов подпольной организации станции Липовец

удалось обменивать хлеб на одежду для этих военнопленных. Оружие было добыто. И вот появляется группа действующей подпольной организации в Липовецком лесу Бульки, которая действовала под руководством *Королева* Тернавского Николая Павловича (Максим Тарасович). Группа не давала покоя «господам» окрестных районов. Поздней осенью на совхоз Гелиодорово прибыла жандармерия с мирным населением, которое согнали летом со всех окрестных районов: старики, дети, женщины. Эти люди жили в ужасных условиях: спали в коровнике, в конюшне, работали они все лето и всю осень, получали по 300 гр. хлеба в день. Поздней осенью прибыла жандармерия во главе с управляющим Лапой и немецким управляющим Шульцем. Этих людей погнали в город Линовец и там избили. Часть сбежала обратно в совхоз, тогда во второй раз появилась жандармерия и их избили как собак, перестреляли, трупы валялись, население совхоза подобрало их и похоронило.

Немецким управляющим на совхозе был палач Шульц. На станции Линовец в то время жила семья Демьянчука Ивана Фоковича. У них была конспиративная квартира и там жил тов. Евдокимов, который тоже руководил на станции Линовец подпольной организацией. После первого террора он с группой в 14 человек пришел в кабинет управляющего Лапы.

Одновременно в селе Россоши проводилась мобилизация молодежи в Германию из окрестных сел. Крики и визг на станции Линовец не прекращались. Молодежь все время пряталась, подкупала врачей на [Л.21] комиссиях, советские врачи пытались всеми силами идти навстречу.

В селе Россоши жил учитель – преподаватель литературы в прошлом. Он написал несколько антисоветских пьес, это очень возмутило молодежь и население. Большая часть населения села Россоши с большим желанием ждала возвращения советской власти.

В конце декабря 1942 года в Ильинцах был подожжен дом с местным населением, которое скрывалось от немецкого террора, и одна молодая девушка, в прошлом выпускница средней школы, стоя в пламени, кричала: «О нас помнит товарищ Сталин, мы победим, нам построят памятники, когда возвратится Красная армия, о нас будут помнить во веки веков».

В село Россоши были пригнаны многие передовые люди искусства, литературы и техники из Венгрии. Они строили мост, над ними очень издевались мадьяры и немцы, а потом их расстреляли. Среди охраны был мадьяр, который так высказался: «Сталин живет и Красная армия будет жить». Через несколько дней его не стало.

Сначала в селе Россоши был староста – палач Посека, в прошлом бригадир колхоза. Он очень бил людей и издевался над ними. Заместителем его был Шиливей.

В марте 1943 года на квартире лесничего сидели члены подпольной группы. В то время они разрабатывали план раздачи зерна населению одного из ближайших совхозов. В это время на ст. Линовец стоял эшелон с немцами. (Это

было время весеннего отступления немцев.) Так как немцы всегда бродили под домами за продуктами, то кто-то из местного населения сказал, что там сидят партизаны. Немцы этот дом подожгли. Партизаны убили трех немцев, но не спрятали их, и после этого было сожжено полсела. Мужчины вместе с Дуней и Марией были арестованы.

В соседнем лесу работали люди на лесоразработках. 300 безвинных мужчин были брошены в могилу, причем их самих заставляли копать себе могилы. Демьянчук с женой успел [Л.21 оборот] бежать из станции Линовец, а их двоих детей тоже бросили в эту могилу. Одновременно немцы бросили в эту могилу двух женщин, будто за спекуляцию немецкими вещами. Людей в могилу бросали живыми, а затем забросали гранатами. *Члена подпольной организации из с. Владимировка Янека гнали 20 км в одном белье в Линец и так замучили его.*

Еще раньше, в мае месяце 1942 года таким же способом было согнано еврейское население городка Линовец. Их согнали в могилу и заставили перед этим снять одежду. Несколько дней кровь была фонтаном из этой могилы.

Группа тов. Королева и Терновского, которая была в Линовецкому лесу, делала наезды на окрестные совхозы, предупреждая управляющих об отношении к людям. Например, на Гелиодорово в конце декабря 1942 приехало несколько вооруженных партизан с целью уничтожить немецкого палача Магазиер Скоропада. Он убежал. Партизаны взяли из магазина продукты и уехали в село Скидка к переводчику – палачу Кравца, избili его, взяли нужные вещи, так как все его вещи были наворованные, предупредили одного местного учителя об отношении к людям. Эта группа разбивала на окрестных молочных пунктах сепараторы, выливали молоко с тем, чтобы немцам не досталось, раздавали хлеб из магазинов местному населению.

На станции Погребнице было спущено несколько эшелонов под откос, эшелоны были набиты оружием и живой силой.

После массового уничтожения людей на станции Липовец мы ушли в глубокое подполье. Связь с тов. Гаврищуком была разорвана. Я держала связь с семьей Забродные в Гелиодорово.

«Господин» Пасека, староста деревни Россоши, организовал погоню за мной в селе, о чем я не знала. Я была арестована начальником местной полиции Шевчуком. Староста Пасека проверил у меня документы. А знакомые меня в то время уже оплакивали, думали, что меня повесили в Линовце или расстреляли. [Л.22] После этого мне староста Пасека сказал ежедневно приходить в управу на регистрацию, но я перешла жить в совхоз, о чем получила санкцию от Григория Даниловича.

В это время уже долго действовал регулярный отряд тов. Рыбаченко в Линовецком лесу, а комиссаром был тов. Майданюк. К ним присоединился отряд тов. Кондратюка, который действовал с 1941 года в Терновском лесу. Тов. Рыбаченко начал командовать этим отрядом вместо тов. Калашникова Ивана, который был убит палачами весной в 1943 году. Тов. Калашников действовал в

начале 1942 года в окрестных районах города Дашива. Весной 1942 года везде были вывешены объявления немецкого командования, в которых обещано было за голову Калашникова большую сумму, или за то, кто выдаст где он находится. В объявлении было написано, что он бандит в черном пальто и всегда держит левую руку за бортом, так как поддерживает этой рукой оружие. Он делал легендарные дела, например, приезжал в форме генерала в Линецкий гебитскомиссариат по наряду (по словам тов. Рыбаченко) на получение определенного количества продуктов для фронта, а затем он умудрялся оставить записку, что это был я, Калашников. После этого случая везде расставлялась немецкая застава, окружался базар, но ничего не помогало. В 1943 году он погиб.

Также в Теплицком районе действовала группа Кондратюка Панфила и тов. Микитенко. Это агроном Теплицкой МТС, который был оставлен райкомом партии для организации подпольной партизанской работы. Он получил огромное количество оружия, организовал людей и сам погиб при выполнении боевого задания в 1942 году, а Кондратюк Панфил погиб в селе Скарженивцы Теплицкого района при принятии неравного боя.

[Л.23] Стенограмма продолжения беседы с тов. Кузенко С.И.

25.XII-1946

Беседу проводил научный сотрудник Комиссии истории Отечественной войны тов. Воробьев Л.Н.

Стенограф. Спектор Э.Д.

Одновременно с Кондратюком Панфилом действовала вся его семья – дочь Люся самостоятельно добывала оружие, уничтожая немцев и полицаяв. Так же сын Прокопий тоже действовал и самостоятельно шел на операции, уничтожая старост, полицаяв и немцев.

В это время гестапо арестовывает отца тов. Рыбаченко – командира полка «За Родину», уничтожает его семью. В Билецком совхозе был арестован Адам Долинский – агроном и управляющий совхозом Арнаго, советские люди. Их замучили в застенках Ситковецкой полиции.

Весной 1943 года усиливается наступление Красной армии на фронте. Немцы усиленно мобилизуют молодежь в Германию, и молодежь идет на работу в совхоз Гелиодорово со всех окрестных сел с целью не ехать в Германию.

В это время усиливается деятельность партизанской группы будущего командира батальона полка имени Кирова Степана Королева; усиливается деятельность партизанского отряда Рыбаченко, а в Терновском лесу – деятельность отряда Кондратюка и Корнейчука.

Эти партизанские группы самостоятельно приобретают оружие, уничтожая немцев, полицаяв, подрывают железнодорожные эшелоны на станциях [Л.24] Плисков, Линовец, Погребище.

В это время в совхозе Гелиодорово случился ужасный случай: приехал полицейский и среди бела дня изнасиловал девушку из пригнанного населения, а

через некоторое время приехала жандармерия в совхоз и все пригнанное население вывезли в Линовец и там расстреляли.

В совхозе Гелиодорово вместе с советскими людьми жили немецкие сторонники, например, Федор Скоропад с сыном Дмитрием. Всех военнопленных они называли советскими бандитами. В это время пришел на работу в совхоз бывший председатель колхоза соседнего села – Тетерев, который через сторонников немцев, завхоза совхоза Хайнацкого был избит жандармерией Линовецкой и там замучен.

В это время руководитель подпольной группы Гавищ Иван Данилович, который в то время был пожарным в Касаверивском совхозе Липовецкого района, дал распоряжение, чтобы я явилась в партизанскую группу Королева, но я спутала направление, мне были даны выстрелы, а я пошла в противоположную сторону. Партизаны вышли и встретились с колхозницами села Васильевки Ситковецкого района, которые вязали хлеб. На второй день приехала жандармерия и убила этих колхозниц.

В это время на Бабинском сахарном заводе партизаны провели крупную операцию среди белого дня, а именно: была разоружена вся охрана Бабинского сахарного завода, все продукты и сахар со складов было роздано населению и убито несколько полицейских.

В это время из партизанских групп организуются партизанские отряды, которые размещаются в Шабелянском лесу Дашловского района. Отряд «За Родину» – командир тов. Рыбаченко, комиссар Майданюк; отряд имени Ленина – командир Кондратюк, комиссар Корнийчук; отряд имени Кирова – командир Кориневский, комиссар Щербаков. [Л.25] Все эти отряды действовали отдельно. В отряде имени Кирова располагался автозвод, потому что сюда пришли партизаны Швец и Драло, которые обезоружили четырех немцев перед тем, как прийти в отряд, и отобрали у них легковую машину, а потом они уже очень часто ходили на операции, во время которых отобрали у немцев много машин и оружия.

В августе в 1943 году из окружающих сел отправлялся эшелон молодежи в Германию, который сопровождали старосты и полицаи. Об этом узнал тов. Рыбаченко. Он расставил вокруг дороги охрану из партизан и этот эшелон был задержан. На опушке были проведены отдельные митинги молодежи и старост с полицаями. На митинге молодежи был зачитан первомайский приказ тов. Сталина. Вся молодежь вернулась домой. А в совхозе Гелиодорово к молодежи пришел немецкий комендант Штумпс и какой-то власовец, прекрасно владеющий украинским языком, и они предупредили молодежь, чтобы никто не прятался во ржи на поле, потому что если их найдут, то посчитают партизанами и расстреляют.

В это время партизаны полка имени Кирова подожгли бензохранилище Плисковецкой МТС. Там было выведено из строя две грузовые автомашины (а

одну из них привели в распоряжение партизанского лагеря), разоружили в Ильинецком жандармерию и полицию.

Группа тов. Королева и Алатирцева, которая состояла из 12 человек, убила дегенерата, районного старосту Рачка, который выдал много людей, которые были замучены.

Эта группа из 12 человек действовала в окрестных селах Липовецкого, Плисковецкого и Ильинецкого районов. Они поджигали молотилки с тем, чтобы не давать немцам возможности молотить и вывозить хлеб в Германию, разоружали немецких [Л.26] комендантов. Братья Владимир и Михаил Андрейчук спустили под откос несколько эшелонов немцев с оружием на станции Погребище.

Партизаны несколько раз принимали бои с власовцами. В конце августа был спущен с «большой земли» тов. Бойко с группой десантников с рацией и таким образом была установлена связь с партизанским штабом. Отряды были переименованы в полки и объединены во вторую партизанскую бригаду имени Сталина, которой командовал тов. Кондратюк («Юра»); начальником политотдела был тов. Корнийчук («Саша»), а комиссаром Мединский. Тов. Бойко был заместителем командира бригады и через командира полка имени Кирова осуществлял работу разведывательного характера. Партизанам Швец и Драло было поручено пройти в город Винницу, сделать разведку аэродромов, частей, складов, оборонных секторов немецкой обороны города Винницы. Они переоделись в крестьянскую одежду, взяли по пистолету и две гранаты и отправились в город Винницу. Они прошли 60 километров пешком, прошли немецкие гарнизоны села Париевка, Сороки, железнодорожные переезды, которые сильно охранялись мадьярами. Добрались они до села Медивка, залегли на опушке, отобрали автомашину и поехали в Винницу. В Виннице они пробыли 3 дня и побывали на всех аэродромах Винницкого гарнизона, установили количество самолетов на каждом аэродроме, время их вылета, время возвращения, места нахождения складов с боеприпасами, места нахождения оборонных секторов немцев на Литинском и Бердичевском шоссе, установили место нахождения немецкой ставки фронта в лесу около села Михайловки в 12 километрах от Винницы, и эти материалы они доставили в соединение, которые были переданы по радио генерал-майору Осмолову.

Партизаны полка имени Ленина «За Родину» обезоружили Дашевскую полицию и жандармерию. Группа партизан полка имени Кирова [Л.27] была обезоружена Ситковецкой полицией.

В ноябре 1943 года штабу бригады стало известно, что «казаки» хотят прийти в партизанский отряд. Для этого поехали представители штаба бригады в Билоцкий совхоз для переговоров и весь совхоз был окружен партизанами. Но это была провокация. На следующий день власовцы начали наступление на лес, но победа была за партизанами. Оказался в окружении комбриг тов. Кондратюк, но он вырвался из окружения, а тов. Рыбаченко первый бросился в бой со словами

«За Родину, за Сталина, вперед». В этом бою погибло несколько товарищей из полка имени Кирова. Затем власовцы бросили оружие и побежали, но партизаны их догнали и многие из них были уничтожены.

Штабу бригады стало известно, что в Кальник Дашевского района приехало несколько эвакуированных комендантов из Полтавы и Черкасс со своими переводчицами. Им навстречу выехал отважный партизан – фельдшер Александр Кириллович Сорокин. Коменданты были разоружены партизанами, раздеты, несколько подвод с одеждой были розданы местному населению, часть табуна скота была угнана в лес, а часть партизаны раздавали местному населению. В это время немцы окружили окрестные села, забрали скот у местного населения и погнали мужчин, которые затем скрылись, а партизаны после этого собрали колхозников, у которых забрали скот, и выдали им скот.

В начале декабря группа партизан полка имени Кирова с командиром Кориневским и начальником особого отдела Гаврищуком выехали в село Зозовка Михайловского района для проведения подпольных партийных собраний. В это время оказался один предатель – глава общины, который в прошлом был председателем колхоза, который сообщил об этом Линовецкой жандармерии и полиции. Дом, в котором проводилось собрание, был окружен. Все партизаны [Л.28] выехали из села, а начальник особого отдела Гаврищук и командир первого батальона Сплодитель успели вскочить в свекольную кипу и 24 часа вели бой с полицейскими и жандармерией. Они ловили гранаты, которые бросали им жандармы, и бросали их обратно, а затем Гаврищук был ранен и Сплодитель уже один отбивался диском автомата. У них осталось уже по одному патрону, Сплодитель убил Гаврищука, а затем убил себя. Их трупы лежали в бураках, пока не пришла Красная армия в эту местность, а потом их похоронили.

В последнее время перед приходом Красной армии партизаны очень часто принимали бои. Победа всегда была за ними. Слава про партизан и партизанские дела была известна на десятки километров. Врач Федоров Николай Дмитриевич спас жизнь не одному партизану, а также врач Стратиенко, он особенно переносил все ужасные небытовые условия, резал мешки на бинты и спас жизнь многим партизанам.

Передовым партизанам в полку имени Кирова был Сплодитель – комбат первого батальона, которого уважали все командиры и бойцы. Он был чуткий, прекрасный друг и товарищ.

Тов. Гаврищук – начальник особого отдела, который создавал легендарные дела, он средь бела дня в городе Виннице вскрыл кассу в банке, разбил двери Винницкой тюрьмы, разоружил охрану, выпустил заключенных и раздал все деньги заключенным.

Тов. Тернавский, который командовал батальоном после смерти Сплодителя, был родоначальником полка имени Кирова. Шубидзе – командир роты «Арсен». Его немцы издали боялись. Он уничтожил много жандармов, немцев, пулеметов и автоматов. Командира второго батальона Аватирцева в

соединении называли «Николаем Черным», ему немецкие коменданты подносили личное оружие. Тов. Стрижелецкий, отважный командир роты, отличался своей выдержкой. Тов. Королев Степан, который вместе с тов. Тернавским является родоначальником полка имени Кирова. Честь и славу полка после смерти [Л.29] командира Кориневского сохранил отважный комиссар тов. Щербаков, который был прекрасным другом и отцом каждого командира и бойца.

В конце декабря погиб тов. Бойко – заместитель комбрига. В январе 1944 года немцы окружили лес, прикрывая отступление второй линии фронта. В это время 300 немецких автоматчиков начали наступление около расположения полка имени Ленина, но их победили 17 автоматчиков. В это время был смертельно ранен прекрасный друг и товарищ, отважный фельдшер полка имени Ленина Александр Кириллович Сорокин. Этим партизаном были сделаны легендарные дела. Его называли «Боевой». Когда он шел на операцию, население слагало о нем легенды.

3-4 января партизаны всей бригады соединились с Красной армией в районе Ильинец и помогли Красной армии освободить город Ильинцы от немецких захватчиков. Все это было сделано под командованием отважного Анатолия Герасимовича Кондратюка – командира бригады, который является организатором партизанского движения в нескольких районах Винницкой области.

Тов. Рыбаченко – командир полка «За Родину», начальник политотдела бригады тов. Корнейчука – под руководством этих отважных людей партизаны в тылу помогали громить врага так же, как Красная армия на фронте.